

РЕЦЕНЗИЯ
проф. д-р Владимира Пенчева, ИЕФЕМ – БАН,
на диссертацию доц. д-р Теодорички Готовской-Хенце, ИИИ –
БАН,
на тему «Болгары в чешско-русском литературном обмене (30–
60-е годы XIX века)»
на соискание ученой степени «доктора исторических наук».

Научная область: 2. Гуманитарные науки
Профессиональная сфера 2.2. История и археология
Научная специальность: Новая и новейшая общая история. Код
05.03.04.

1. Об авторе

Я знаю Теодоричку Готовскую-Хенце благодаря нашим общим интересам к богемистической проблематике, к чехам, к чешской истории и культуре. Я знаю ее слишком долго и достаточно хорошо, чтобы считать, что у меня относительно четкое и объективное представление об ее исследовательской деятельности, об ее научных интересах и достижениях. Она является одним из немногих (к сожалению!) болгарских историков, которые посвятили и посвящают усилия и деятельность, связанные с чешскими историческими проблемами, хотя и часто в рамках более широкого центральноевропейского или европейского контекста. Вот почему ее следующая попытка заниматься этой проблематикой заслуживает уважения, при том через призму характерных процессов и явлений, оказавшие серьезное влияние на развитие болгарского национального самосознания в XIX веке, как и на европейское знание в то время о болгара, о болгарском языке и культуре.

Здесь может быть место представить некоторые биографические сведения об авторе, которые раскрывают ее исследовательский путь к рецензируемой работе. Теодоричка Готовска-Хенце окончила историю и этнографию на Историческом факультете Софийского университета св. Кл. Охридского в 1982 году. Далее закончила докторантuru на Философском факультете Карлова университета в Праге и успешно защитила диссертацию на тему: «Чехословакия и Малая Антанта (1920–1925)» в 1989 году. В результате специализации по европейским исследованиям в Американском университете Джона Хопкинса – Болонский филиал, Италия, Готовска-Хенце расширяет свой исследовательский профиль в изучении международных отношений, истории Восточной Европы и т. д., защищая в 1991 году тезис: «Политика Горбачева и ее

последствия для международных отношений». В последующие годы она специализировалась на истории Восточной Европы и проблемах национализма в Центральноевропейском университете (в то время в Праге), где защитила диссертацию: «Проблемы национализма на Балканах после 1989 года» (1993). Позже (до 1997 года) она углубила свою специализацию в истории Центральной Европы, и в частности – истории Габсбургской монархии – в Католическом университете в Эйхштадте, Германия. Несомненно, целенаправленное и систематическое проникновение в глубины исторических знаний о Восточной и Центральной Европе дает Готовской-Хенце серьезную исследовательскую базу, которую она успешно внедряет в управлении, напр. международными исследовательскими проектами, в том числе двусторонними «Славяноведение и болгары» и «Болгары и чехи в европейских идеологических влияниях в XIX-XX вв.» между Институтом исторических исследований и Славянским институтом ЧАН, «Процессы модернизации в Центральной Европе и Юго-Восточной Европе XIX-XXI века» между ИИИ и Историческим институтом САН, «Связанные истории: источники для реконструкции истории в Центральной и Юго-Восточной Европе XVII-XXI века» и «Периферия империй и национальных государств в Центральной и Юго-Восточной Европе XVII-XX века: власть, институты, общество, адаптация» с Историческим институтом УАН и др. Это становится еще более очевидным в ее многочисленных научных публикациях, в частности в монографиях «Назад к утраченному трону: последний Габсбургский император и государства-преемники» (1996), «Общество и власть: Чехословакия. 1945–1967 годы» (2002), «Кириллический код. Славяноведение и повторное открытие болгар (до 1841 г.)» (2018 г.). С этой точки зрения, работа, представленная на рецензию, «Болгары в чешско-русском литературном обмене (30–60-е годы XIX века)», полностью вписывается в исследования автора и логически представляет собой следующий шаг в ее научном развитии.

2. О теме

Славистическая тематика, как правило, не является одной из самых частых в современной болгарской историографии. Вряд ли сейчас время и место комментировать эту ситуацию, но все же в этом случае следует отметить, что появление подобного текста действительно отрадно, предлагая вторжение в процессах межславянских взаимодействий в позапрошлом веке, веке наций и национальных идентичностей. Потому что не случайно то, что возникновение научного интереса в это время на большинстве славянских территорий к собственному народу, к его истории, быту и культуре, к его творческим инвенциям, является систематическим проявлением

самоосознания и самоопознания как нации в контексте общего славянского происхождения. Верно то, что эта общая тенденция представляется наименее выраженной среди болгар, но также верно и то, что основными инициаторами появления болгаристики как научного познания являются именно неболгарские славяне и слависты. И в исследовании Т. Готовской-Хенце это очень ясно видимо. Видимы тоже и конкретные славянские усилия, независимо если они были идеологически, политически или научно мотивированными, о культивировании молодой болгарской интеллигенции, способную держат в руки судьбу зарождающейся нации.

В недавнем прошлом, по понятному стечению обстоятельств, внимание исследователей уделялось в основном русскому участию в этом процессе, и в некоторой степени чешским пренебрегали, хотя и не скрывали. А фактически в это время не только обучались сотни молодых болгар в чешских учебных заведениях, но и были заложены основы для последующего значительного присутствия чехов в возрождении болгарского государства, что означало в развитии его административной системы, в его науки, культуры и искусства, в европеизации его архитектуры и т. д. И несомненная заслуга автора состоит в том, что она ставит болгарский вопрос в пространстве русско-чешского диалога в течении десятилетий, предшествующих как русско-турецкую освободительную войну, так и своеобразную чешскую «инvasию» в нашу страну после нее.

Не является без значимости и тот факт, что одни из движущих сил в общественных процессах, анализируемых Готовской-Хенце, оказываются конкретные фигуры Возрождения как в болгарской, так и в русской, а также в чешской общественной среде и в значительной степени именно благодаря им эти процессы приобретают то или иное измерение и характеристику. Я не буду здесь останавливаться на роли личности в истории, но, похоже, огромный вклад ряда действительно замечательных болгарских, русских и чешских деятелей не вызывает сомнений, и, опять же, заслуга исследователя заключается в том, что она целенаправленно углубляет свой анализ в выявлении их места в паноптикуме людей и событий, являющийся предметом ее научного интереса.

Следует также иметь ввиду, что рецензируемая работа вписывается в действительно широкий круг исследовательских поисков автора, охватывающих временные рамки нескольких веков, включая и наше настоящее время, в котором круге, однако, проблемы, проанализированные в ее работе, присутствуют и имеют свое специфическое место в ряде научных публикаций, включительно и за рубежом.

Все сказанное раскрывает значение темы, выбранной Т. Готовской-Хенце, ее значение как для исторического познания, так и для современного восприятия явлений и процессов, которые более или менее серьезно повлияли на наше самосознание как нации. Лично для меня чрезвычайно важен славянский контекст исследования, акцент на особой роли славянских исследований как научного знания, а также на некоторых специфических славянских идеологических концепциях, существующих в тогдашних славянских обществах.

3. Характеристика и оценка диссертации

Исследование Теодорички Готовской-Хенце под названием «Болгары в русско-чешском литературном обмене (1930–1960-е годы)» имеет объем 408 стандартных страниц и состоит из Введения, четырех глав, Заключения и Библиографии. Сразу скажу, что с формальной точки зрения работа соответствует требованиям к диссертации, представленной на присуждение ученой степени «доктора исторических наук».

Во Введении автор рассматривает состояние проблемы, формулирует объект, цели и задачи ее исследования, ее методологические установки и т. д., обращая внимание на некоторые характерные терминологические особенности. Он уделяет особое внимание документальным источникам и историографическому обзору предыдущих исследований. На мой взгляд, введение могло бы быть более систематическим, с более глубокими и обстоятельственными позициями автора, особенно с точки зрения важности темы, методологии и т. д. Было бы также хорошо представить и защитить структуру работы, логическую последовательность в объявлении и анализе рассматриваемых вопросов с целью подготовки читателя к авторским рассуждениям.

Первая глава работы озаглавлена «Достижения международных славяноведения (до 1930-х годов)». Задача, поставленная Готовской-Хенце, определить и контекстуализировать место болгар в русско-чешском литературном диалоге на основе формирования и развития славистического познания в первые десятилетия позапрошлого века, понятна и заслуживает похвалы. Хотя, начиная с разных позиций, хотя и с совершенно разными мотивами, неслучайно, что в этих двух великих державах – Российской и Габсбургской империях – процессы познания и самопознания славянства как этнической реальности разворачивались изначально в параметрах научного познания, а впоследствии – и как общественные характеристики. Автор подробно рассматривает как лингвистическую сущность первых славистических научных исследований, предопределенных постулатом славянского единства и общеславянского праязыка, который впоследствии развился в знакомых «славянских диалектах», так и

процесс постепенного преодоления теорий идентификации болгар как «славянских татар». И утверждение понимания древнейшей письменности славян как основанной на западнорусских болгарских диалектах из окрестностей Салоник.

В рамках своего анализа она сосредоточилась на происхождении и развитии первых славистических центров в Вене, Праге и России, учитывая их специфику и подчеркивая роль первых славистов, которые по понятным причинам славяне – Й. Конигар в Вене, Й. Добровский в Праге и А. Востоков в Санкт-Петербурге. Именно в этом контексте автор далее уделяет особое внимание появлению их последователей (здесь интерес к личности и творчеству П. Й. Шафарика понятен и логичен), а также возникновению научного интереса именно к болгаристической проблематике в этих центрах, с одной стороны, в пространствах контактов отдельных представителей славяноведения в различных центрах, а с другой – в первых болгарских реакциях и ответах на иностранный интерес к болгарам.

Эта глава несомненно, интересна и информативна как с точки зрения ее фактологических характеристик, так и с точки зрения их анализа. Однако, более систематическая и логическая последовательность в изложении вопроса и авторских тезисов могла бы быть желательной снова.

Во второй главе работы, озаглавленной «Чешско-русские славистические контакты и болгары (доакадемический период славяноведения)», представляет, по словам автора, русско-чешский научный обмен в 1830-х и 1840-х годах, как одна из основных задач состоит в анализе взаимосвязи славяноведения и т. н. славянской взаимности, т.е. чувство родства, общеславянского единства, которое в то время усердно проповедовалось среди славянских народов. Фактически, здесь мы имеем ввиду типичную общеславянскую временную специфику, которая не очень известна в нашей стране, с одной стороны, потому что она не достигает общественного отклика и результатов, которые она имеет на большинстве других славянских территорий, а с другой – потому что западная визия, обобщающая (при том абсолютно неправильно) все процессы и явления в объеме понятия «панславизм». На практике речь идет о ряде философско-идеологических концепций, основная идея которых заключается в том, чтобы в той или иной форме достичь славянского единения. Эти «славизмы», как их называет чешский ученый Франк Вольман, возникают, сливаются друг с другом, цитируются, выступают один против другого и т. д. в течение всего XIX-го и в немалой части XX-го века и рассчитывают на серьезные общественные влияния на большей части славянских территорий. В данном случае важно то, что в это время и коларизм (то есть

идея славянской взаимности Яна Колара), и австрославизм, и славянофильство, и панславизм объективно играли значительную роль в развитии славистического познания, и, несомненно, заслуга автора состоит в том, что ей удается продемонстрировать эти воздействия.

Основное внимание здесь уделяется развитию пражского славистического центра, а также деятельности и работам П. Й. Шафарика, который в целом выделяется как главная фигура в исследовательских поисках Готовской-Хенце. Она уделяет особое внимание его контактам и взаимодействию с развивающимся русским славяноведением и его выдающимися авторами. Именно в этом контексте автор рассматривает заслуги таких личностей, как П. Кёппен и Н. Мурзакевич, в опосредовании процессов познания и идентификации болгар как этноса, их языка и истории. В связи с этим она уделяет еще большее внимание заслугам Юрия Венелина и Виктора Григоровича, позиционируя упомянутые процессы в рамках русско-чешского славистического диалога. Далее она обращается к анализу деятельности первых болгарских просветителей именно в результате и вследствии усилий иностранных славистов по созданию и развитию болгаристики как научного познания. Вот почему ее поиск логичен и направлен на изучение взаимоотношений и взаимосвязей болгарских возрожденцев с русскими и пражским славистическими центрами.

В целом, текст здесь не предлагает фактологических сюрпризов, но это и не его цель. Скорее, он стремится систематизировать контекстуальное развитие изучаемых процессов и явлений на всех трех славянских территориях, указать на значимость отдельных личностей, а также обосновать дальнейшие направления в развитии исследования.

Третья глава «Образование болгар в контексте чешско-русского литературного обмена» посвящена проблеме, на которую я обратил внимание вначале – что большая часть молодой болгарской интеллигенции формируется благодаря русским и чешским школам и университетам. Здесь я нахожу страницы, посвященные кодификации современного болгарского литературного языка и характеристикам болгарской образовательной системы, немного излишними, во-первых, потому что это общезвестные вещи, а во-вторых, потому что они не имеют прямого отношения к предмету, но, вероятно по мнению автора, эти процессы мотивируют молодые болгары учиться за границей. Кстати, у меня есть некоторые сомнения и по поводу структурирования исследованной материи в этой главе, но в каждом случае решение автора таково, и его нужно уважать.

Иначе акцент Готовской-Хенце направлен здесь на процессы развития академического славяноведения как в России, так и в чешских землях, на появление и развертывание первых славистических кафедр, на заслуги первых преподавателей в них и т. д. Отдельная исследовательское усилие посвящено первым болгарским ученикам в русских и австрийских (соответственно чешских) школах и их последующему развитию в качестве личностей Возрождения. Наблюдения автора в этом случае важны, поскольку они во многом объясняют последующий серьезный приток молодых болгар, особенно в чешские учебные заведения и университеты.

Эта глава является одной из несущих конструкций в рецензируемой работе, потому что она ясно показывает, как взаимодействие между русскими и чешскими славистами сыграло значительную роль в росте молодой болгарской интеллигенции.

Последняя глава, озаглавленная «Славянская взаимность как политическая концепция», предлагает скорее всего обзор исторических событий около т.н. «весне народов». В данном случае они могли бы восприниматься как фон русско-чешского славистического диалога и место в нем болгар, хотя автор фокусируется не в основном на них, а на том, что происходило в историческом плане. С другой стороны, заголовок главы предполагает больше внимания к уже упомянутым «славизмам», но объектом внимания автора являются главным образом процессы чешско-германского разграничения на чешской этнической территории. Сразу скажу, что с чешской точки зрения эти процессы чрезвычайно важны, так как являются одними из основных маркеров чешского Возрождения, при этом они в значительной степени неизвестны в нашей стране. Вот почему в этом случае я принимаю аналитическую визию автора относительно исследуемого вопроса. И вообще, история Центральной Европы не очень известна в нашей стране.

Конечно, свое место в изучаемых процессах имеют и болгарские возрожденцы как И. Богоров, К. Д. Петкович, И. Шопов и К. Павлов (я бы добавил и В.Д. Стоянова), что является последним штрихом в анализе автора.

Заключение обобщает выводы Т. Готовской-Хенце относительно этнической и языковой идентификации болгар и сущности языка Кирилла и Мефодия в славяноведении как научное познание и в славянском мире вообще на основе русско-чешских славянских отношений и взаимодействий в XIX в., а также на основе анализа деятельности ряда русских и чешских славистов и болгарских возрожденцев, подчеркивая тот факт, что этот анализ основан на широко развитых междисциплинарных наблюдениях и доказательствах.

Представленная библиография включает документы и литературу на болгарском, русском, чешском, немецком и английском языках.

4. Заключение

Исходя из сказанного, я высоко оцениваю работу Теодорички Готовской-Хенце «Болгары в чешско-русском литературном обмене (30–60-е годы XIX века)» и верю, что этот текст будет способствовать развитию научных знаний. Заметки, которые я сделал, не снижают его качества.

Поэтому я даю свое положительное заключение и предлагаю уважаемому Научному жюри присудить ученую степень «доктора исторических наук» Теодоричке Готовской-Хенце.

4.7.2020 г.

София

Член научного жюри:

(проф. Д-р Владимир Пенчев)